Зинченко И.А., Попов А.А. ♦

Письменные показания как источники доказательств в досудебном производстве (компаративистский взгляд)

Аннотация: В новое уголовно-процессуальное законодательство государств так называемого ближнего зарубежья включено немало заслуживающих внимания институтов и норм. В их числе нормы доказательственного права, устанавливающие статусы показаний, объяснений и процедуры их получения в ходе досудебного производства. Они позволяют нетрадиционно взглянуть на кочующие из одной работы в другую на протяжении десятилетий однотипные суждения по одной и той же проблематике без какого-либо ощутимого продвижения вперед. В статье предпринята попытка компаративистского анализа возможности нормативного воплощения в УПК РФ письменной формы дачи показаний различными категориями допрашиваемых лиц, прежде всего, собственноручной записи ими своих показаний. Анализируются и особенности процессуально-правовой природы протоколов допроса.

Ключевые слова: показания; источники доказательств; допрос; протокол допроса; собственноручная запись показаний допрашиваемым лицом.

«Всюду, где являлась малейшая к тому возможность,
оставлена нетронутою прежняя редакция, как оттого,
что от добра добра не ищут, так и вследствие того,
что с ней усвоились и свыклись суды и граждане»
Министр юстиции Российской Империи Н.В.Муравьев, 1864 г.
(Из пояснительной записки к Уставу уголовного судопроизводства)

Собственноручная запись показаний допрашиваемым лицом. До принятия УПК РФ в отечественной доктрине показания как источники доказательственной информации рассматривались преимущественно в качестве устных сообщений различных категорий допрашиваемых лиц. Прочитать об этом можно было в любом учебнике по курсу «Советский (а затем и российский) уголовный процесс». Аналогичный взгляд на природу показаний господствует и в современной литературе. В целом это правильно: умение следователя (далее – также и дознавателя) психологически, тактически и

♦ **Зинченко Игорь Анатольевич** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Калининградского филиала международного университета (Москва). E-mail: zinchenko3939@mail.ru
Попов Артем Алексеевич – аспирант института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова.

юридически грамотно построить устное, разговорное общение с допрашиваемым лицом – одно из свидетельств высокого уровня его профессионального мастерства.

В ряде работ попытки дать определение понятию «показания» даже не предпринимались. Надо полагать, их авторам оно представлялось столь очевидным, что формулировать его и не предполагалось.

Такое положение вещей было объяснимо: в Уставе уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г., в УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг. легальная дефиниция показаний отсутствовала. Соответственно, и доктринальная их составляющая развивалась в направлении, исключающем внимание исследователей к иной, помимо устной, форме показаний. Трудно ручаться за весь «безбрежный океан» отечественной процессуалистики, но в теории доказывания в период, предшествующий принятию УПК РФ, работы, посвященные письменным показаниям, заметного следа не оставили.

Существовало, однако, исключение: в УПК РСФСР 1960 г. были включены нормы, предусматривающие возможность письменного изложения показаний самим допрашиваемым лицом. Наиболее детально они были представлены в ст. 152 «Собственноручная запись обвиняемым своих показаний».

Ситуация резко изменилась с принятием УПК РФ и новых УПК государств, являвшихся в недалеком прошлом союзными республиками бывшего Союза ССР [1]. (Уголовно-процессуальное законодательство соседних стран имеет для нас первостепенное значение, поскольку в недалеком прошлом оно имело единую с российским правовую и научную основу).

В ст. 76 – 80 УПК РФ были включены легальные дефиниции показаний, в которых они определяются как сведения, сообщенные подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем, экспертом (а затем также и специалистом) на допросе, проведенном в соответствии с требованиями Кодекса. Такая широкая формулировка вполне допускает существование показаний в любой форме.

Законодатели государств ближнего зарубежья шагнули еще дальше. В подавляющем большинстве из них показания прямо определяются как сведения (либо сообщения), представленные в установленном законом порядке допрашиваемым лицом в устной или письменной форме (например, ст. 126.1 УПК Азербайджана, ч. 1 ст. 115 УПК Казахстана, ч. 1 ст. 102 УПК Молдовы, ч. 1 ст. 128 УПК Туркменистана, ч. 1 ст. 95 УПК Украины).

Вряд ли кто-нибудь может указать на этот феномен как на результат «влияния Запада» (хотя в ряде других аспектов невозможно отрицать, например, мощное влияние румынского законодательства на УПК Молдовы, немецкого и французского – на УПК Литвы и Эстонии). Законодатели

государств дальнего зарубежья предпочитают не закреплять в УПК нормы-определения, если таковые не имеют никакого значения для процедуры досудебного или судебного производства. Таким образом, включение в закон определения понятия «показания» есть плод позитивного права – действующего уголовно-процессуального законодательства РФ и соседних стран, тяготеющих, вслед за учеными-новаторами, к закреплению в нормах, прежде всего, права доказательственного, все новых и новых дефиниций.

Анализ отечественного и зарубежного законодательства позволяет сделать следующий вывод: письменное изложение показаний допрашиваемым лицом, независимо от его статуса, возможно в следующих ситуациях:

1) когда допрашиваемое лицо в силу своего физического состояния временно или относительно стабильно лишено речевой функции – не может разговаривать, хотя во всех иных отношениях способно давать показания. Эта ситуация достаточно понятна и в процедурном плане предсказуема;

2) когда лицо, будучи осведомленным в качестве кого и по какому уголовному делу оно вызывается на допрос, является к следователю (далее также и дознавателю) с заранее подготовленными письменными ответами на предполагаемые вопросы.

Вот характерный пример: экс-министр обороны РФ А.Э.Сердюков, прибыв в Следственный комитет РФ на допрос в сопровождении адвоката Г.П. Падвы, от дачи устных показаний отказался, заявив, что все известные ему обстоятельства изложены в письменных материалах, представленных им следователю [2]. (Примеры, когда на допрос к следователю доставляли обвиняемых, содержавшихся в следственном изоляторе, а те приносили с собой заранее заготовленные с участием защитников и даже отпечатанные на принтерах «ответы», встречались и в проведенном нами исследовании, о котором будет сказано в дальнейшем изложении).

Тривиальный вопрос о правовой оценке отказа свидетеля от дачи показаний (здесь можно отметить, что следователь планировал допросить А.Э. Сердюкова вовсе не по тем эпизодам, по которым он представил свои объяснения) мы, в данном случае, оставляем за скобками. Нас интересует процессуальная природа письменных материалов, представленных допрашиваемым лицом в рамках реализации им права заявлять ходатайства и представлять доказательства именно в ходе допроса.

Попытаемся оценить данную ситуацию.

В УПК двух государств ближнего зарубежья разрешению этого вопроса посвящены специальные нормы. Согласно ч. 1 ст. 131 УПК Латвии показания могут быть получены не только в ходе допроса лица, но и опроса. В соответствии же с ч. 2 данной статьи «Показанием является также

собственноручно написанное и подписанное лицом адресованное досудебному следственному учреждению или суду объяснение о конкретных фактах и обстоятельствах». Можно рассуждать об уязвимости этой формулировки, поскольку традиционно принято считать показаниями сведения, сообщенные на допросе и зафиксированные в протоколе допроса. Однако заниматься нам этим вовсе не следует. Законодатель Латвии определился нетрадиционно, но однозначно – сведения, сообщенные при опросе, допросе и содержащиеся в представленных (а они могут быть представлены и при явке лица на допрос), удостоверенных и принятых следователем письменных материалах, имеют равное доказательственное значение – статус показаний.

С позиции традиций российского права немало оригинальных норм включено в УПК Молдовы. Применительно к рассматриваемой нами ситуации в УПК этой страны включено правило, прямо противоположенное тому, что содержится в ч. 2 ст. 131 УПК Латвии. В одной из норм ч. 3 ст. 104 УПК Молдовы закреплено: «Подозреваемый, обвиняемый, подсудимый не может предъявить или зачитать заранее написанные показания».

Мы не призываем копировать какое-либо одно из этих правил в УПК РФ, однако имеет смысл хотя бы подумать о создании процессуальных форм для разрешения подобных ситуаций. Нам в данном случае более привлекательным представляется правило, содержащееся в ч. 2 ст. 131 УПК Латвии;

3) при собственноручной записи показаний допрашиваемым лицом.

Хотя и принято считать, что российское уголовно-процессуальное законодательство развивается по пути расширения начал состязательности, прав и законных интересов участников уголовного процесса, процедура собственноручного изложения показаний не нашла отражения в УПК РФ. Такая позиция законодателя труднообъяснима. Не случайно в отечественной литературе не часто, но можно встретить мнение, согласно которому «нелогично отказать» обвиняемому написать свои показания собственноручно, хотя законом это право не предусмотрено. [3]. Мы разделяем эту точку зрения, но одного этого пожелания здесь явно недостаточно. Представляется актуальной постановка вопроса, во-первых, о реанимации соответствующих процедур в действующем законодательстве, а во-вторых, о расширении возможностей применения собственноручной записи допрашиваемыми лицами своих показаний. Однако прежде чем предложить новую формулировку статьи Кодекса, попытаемся проанализировать правила, содержавшиеся в прежней редакции УПК РСФСР, а также в действующих ныне УПК государств ближнего зарубежья.

Норма, закрепленная в ч. 1 ст. 152 УПК РСФСР, в своей структуре содержала две гипотезы и две диспозиции. Гипотезы: 1) «После дачи

обвиняемым показаний», 2) «в случае его просьбы». Диспозиции: 1) «ему должна быть предоставлена возможность написать свои показания собственноручно» и 2) «о чем делается отметка в протоколе допроса». (В ч. 2 данной статьи закреплялись следующие правила: 1) «Следователь, по ознакомлении с письменными показаниями обвиняемого, может задать ему дополнительные вопросы»; 2) «Эти вопросы и ответы на них записываются в протокол»; 3) «Правильность записей вопросов и ответов удостоверяется подписями обвиняемого и следователя»).

Законодатели всех соседних государств (за исключением Грузии и Литвы, где нам искомые нормы обнаружить не удалось) включили в национальные УПК специальные правила, регламентирующие собственноручную запись показаний. При этом они не копировали свое (а уж тем более российское) предшествующее законодательство, а создали самостоятельные и далеко не аутентичные правовые предписания.

Разночтения в форме и содержании этих норм, а также их место в структуре кодексов проявляются в следующем:

1) анализируемые нормы помещены, хотя и в однородные, но в не совпадающие по своему содержанию статьи и даже главы УПК. В большинстве кодексов (УПК Беларуси, Казахстана, Туркменистана, Узбекистана и др.) они находятся в статьях, именуемых «Протокол допроса». Однако в УПК Азербайджана – в ст. 126 «Показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля»; в УПК Украины – в ст. 224 «Допрос»; в УПК Эстонии – в ст. 74 «Протокол допроса свидетеля». В УПК Молдовы они включены в две статьи – в ч. 12 ст. 90 «Свидетель» и в ч. 2 ст. 104 «Допрос подозреваемого, обвиняемого, подсудимого». УПК Армении – единственный Кодекс, в котором сконструирована специальная статья – ст. 214 «Собственноручная запись подозреваемым или обвиняемым показаний»;

2) рассматриваемые нами правила распространены на различный круг допрашиваемых лиц: в ст. 214 УПК Армении – только на подозреваемого и обвиняемого; в ст. 74 УПК Эстонии – только на свидетеля. В УПК других государств – на всех допрашиваемых;

3) неоднородна структура анализируемых норм и в части, касающейся их гипотез, т.е. тех элементов норм, в которых обозначены условия применения диспозиций. В подавляющее большинство кодексов включена одна гипотеза нормы, хотя и формулируется она по-разному, например, в ч. 7 ст. 224 УПК Украины говорится: «По желанию допрашиваемого лица …» (далее по тексту); в ч. 4 ст. 200 УПК Таджикистана – «После свободного рассказа …». В ч.6 ст. 106 УПК Узбекистана – «Допрашиваемый вправе изложить показания

собственноручно» – гипотеза нормы отсутствует. (УПК РСФСР, как мы уже отмечали, в норме ч. 1 ст. 152 содержал две гипотезы);

4) что касается разночтений в диспозициях норм, то они носят чисто редакционный характер и не содержат в себе каких-либо новаций. Можно, пожалуй, в критическом плане обратить внимание лишь на то, что во всех анализируемых кодексах соответствующие формулировки имеют императивную окраску – «следователь должен», «свидетель вправе» и т.п.

Невозможно обойти вниманием необычные правила, – гипотезы и диспозиции норм – содержащиеся в ч. 2 ст. 104 УПК Молдовы. Чтобы были ясны наши последующие соображения, её необходимо процитировать полностью: «Если подозреваемый, обвиняемый согласен давать показания, лицо, производящее допрос, испрашивает признание им вменяемого ему подозрения или обвинения и предлагает дать по этому поводу письменные показания (выделено нами – авт.), а в случае, если подозреваемый, обвиняемый не может или отказывается собственноручно написать показания, лицо, производящее допрос, делает в протоколе соответствующую отметку».

Комментарии в отношении этой нормы могут быть высказаны разные, даже противоположные. Все зависит от позиции комментирующего. С одной стороны, можно, например, найти в ней гарантии, обеспечивающую максимальную точность фиксации позиции допрашиваемого лица; свидетельство раскаяния обвиняемого в содеянном и т.п. С другой, – она уязвима, поскольку посягает на фундаментальные основы допроса; превращает следователя и допрашиваемого в механических роботов, один из которых умеет писать, а другой – наблюдать за пишущим.

Думается, любой читатель согласится – здесь есть на чем подумать. Мы же в данном случае ограничимся следующим мнением: норма, закрепленная в ч. 2 ст. 104 УПК Молдовы не вполне соответствует традициям российского уголовного процесса, и постановка вопроса о ее использовании при совершенствовании отечественного уголовно-процессуального законодательства была бы, мягко говоря, преждевременна.

Для упрочения своих позиций по данной проблематике мы обратились не только к литературным и нормативным источникам, но и к ряду авторитетных ученых-процессуалистов с просьбой принять участие в экспертной оценке норм предшествующих кодексов и перспектив их восстановления в УПК РФ.

(На наши вопросы согласились ответить доктора юридических наук, профессора А.С. Александров, В.М. Быков, В.Н. Григорьев, Л.Н. Лобойко, А.В. Победкин, А.П. Попов, Б.Г. Розовский, В.Т. Томин; кандидаты юридических наук, доценты В.Н. Авдеев, В.П. Гмырко, В.А. Светочев, И.А. Титко, генерал-

майор милиции в отставке В.П. Шушаков. Выражаем им искреннюю благодарность).

Все опрошенные нами специалисты (эксперты) высказали мнение о целесообразности возрождения правил о собственноручной записи показаний в существующей модели досудебного производства.

Подавляющее большинство экспертов поддержало наше предложение о распространении этой процедуры не только на допрос обвиняемого, но и на иные виды допроса.

Мнения ученых-процессуалистов разошлись при обсуждении следующих трех вопросов:

1. Можно ли в конструируемой нами статье УПК РФ отказаться от той гипотезы нормы, которая предусматривает возможность собственноручной записи лишь после дачи показаний?

Ряд экспертов (В.Н. Григорьев, А.П. Попов, Б.Г. Розовский, И.А. Титко, В.Т. Томин) высказались за ее сохранение. В.Н. Григорьев подчеркнул, – «в данной нормативной конструкции это условие носит системообразующий характер». «Убежден, – написал нам А.В. Победкин, – что по замыслу законодателя показания – это устное сообщение, несмотря на отсутствие прямого указания на это в ст. 76 – 80 УПК РФ». Таким образом, по мнению этой группы ученых, собственноручная запись показаний может состояться только после проведения рабочей части допроса как разговорного общения допрашиваемого и допрашивающего, т.е. когда показания уже состоялись, остается лишь их зафиксировать.

Нам представляется, что ответ на поставленный вопрос не столь однозначен. Собственноручная запись допрашиваемым лицом показаний может оказаться эффективной, полезной и даже необходимой в самых разнообразных, зачастую конфликтных ситуациях досудебного производства. Обратимся к примеру. Одному из авторов настоящей статьи довелось давать показания в качестве свидетеля по уголовному делу (как впоследствии выяснилось, сфабрикованному) в отношении руководителя учреждения МВД РФ, в котором он в то время служил. Полагая, что его «показания» могут быть использованы в неблаговидных целях, далеких от интересов правосудия, он обратился к следователю с ходатайством изложить ответы на заданные вопросы собственноручно сразу после того, как узнал причину вызова на допрос и вопросы, интересующие следователя. Это ходатайство было удовлетворено. Письменные ответы были столь конкретными и точными, что после их прочтения у следователя не возникло желания задавать уточняющие вопросы. В той ситуации можно было, конечно, поступить и иначе – просить следователя записывать сообщаемую ему информацию дословно, но «свидетель» посчитал –

лично им написанное в протоколе будет наиболее продуманным, верным. Последующие события подтвердили – решение было абсолютно правильным.

В приведенном примере допроса, традиционно понимаемого как результат устного общения следователя с допрашиваемым лицом, не было. С формально-юридических позиций такое следственное действие уязвимо, поскольку письменные ответы свидетеля не предшествовали показаниям, а были использованы вместо них. Однако было бы неразумно отрицать в этой и подобных ей ситуациях допустимость такой формы допроса и фиксации его результатов, поэтому мы склоняемся к возможности отказаться от указанной в вопросе гипотезы нормы.

2. Правом или обязанностью следователя должно быть предоставление возможности допрашиваемому лицу написать свои показания собственноручно?

Большинство экспертов (В.Н. Авдеев, А.С. Александров, В.П. Гмырко, А.П. Попов, В.А. Светочев), обсуждая этот вопрос, поддержали наше мнение, согласно которому у следователя должно быть право выбора в принятии соответствующего решения. За предоставление следователю творческой свободы в рамках нормативных предписаний ратуют Б.Г. Розовский и И.А. Титко. Действительно, в следственной практике возможны ситуации, когда в силу веских причин, например, физического или психического состояния допрашиваемого лица, степени владения им письменной речью, предоставление возможности написать свои показания не только невозможно, но и недопустимо. Отсюда вывод – диспозиция анализируемой нормы не должна носить императивный характер.

3. Где надлежит фиксировать собственноручно написанные показания: в процессуальном акте – протоколе допроса или на отдельных листах, прилагаемых к протоколу?

Мы полагаем, что протокол следственного действия и любые, надлежащим образом оформленные приложения к нему представляют собой единый источник доказательственной информации. Независимо от места размещения текста, он считается составной частью протокола (например, когда в бланке протокола заканчивается место для изложения результатов многочасового допроса, показания продолжают фиксировать на отдельных листах). Именно поэтому, несмотря на различные взгляды экспертов по третьему вопросу, привлекательной видится точка зрения А.С. Александрова, который нам ответил: «Нет никаких препятствий к тому, чтобы допрашиваемый сам, любым способом изложил, дополнил или скорректировал свои показания». А.П. Попов подчеркнул: любые ограничения неуместны. Также категорично высказался и Л.Н. Лобойко: «Место фиксации показаний не имеет значения».

Что касается места размещения норм о собственноручной записи показаний, то они, на наш взгляд, должны быть включены в ст. 189 УПК РФ «Общие правила проведения допроса» в качестве ее ч. 31. Иное, т.е. закрепление этих норм в ст. 190 УПК РФ «Протокол допроса» означало бы только одно – допустимость собственноручной записи показаний лишь на заключительном этапе допроса.

С учетом изложенного представляется целесообразным рассмотреть вопрос о дополнении ст. 189 УПК РФ частью 31 следующего содержания:

«Допрашиваемому лицу, в случае его просьбы, может быть предоставлена возможность изложить свои показания собственноручно, о чем делается отметка в протоколе допроса. Следователь, по ознакомлении с письменными показаниями, может задать допрашиваемому лицу дополнительные вопросы. Эти вопросы и ответы на них заносятся в протокол».

Далеко не праздным представляется еще один вопрос: имеет ли смысл закрепить право собственноручной записи показаний в статьях гл. 6 и 7 УПК РФ, регламентирующих статус свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и других субъектов, наделенных правом давать показания? Думается, что нет. Во-первых, прав у названных участников уголовного процесса чрезвычайно много. Если попытаться сделать выборку прав одного только обвиняемого (подсудимого), обозначая их не цифрами, а буквами, то русского алфавита для этого окажется недостаточно. Не случайно в статьях Кодекса, регламентирующих правовое положение участников, они представлены блоками полномочий, – например, «заявлять ходатайства», «приносить жалобы». Различный объем прав конкретных участников процесса представлен и в законодательстве зарубежных государств. Во-вторых, и это – главное, праву участника самому изложить показания в протоколе допроса должна была бы корреспондировать обязанность следователя предоставить ему это право. Однако, как мы уже выяснили, этой обязанности у него не должно быть. Таким образом, причина отрицательного ответа на поставленный вопрос – не только в технологии законотворчества.

Протоколы допроса. Незавидная судьба постигла отношение законодателя и ученых-процессуалистов к протоколам допроса. Уже на протяжении нескольких десятилетий в теории уголовного процесса господствует догма, согласно которой источниками доказательств выступают сами показания допрашиваемых лиц, а протоколы – лишь средство их фиксации, не имеющие статус самостоятельного средства доказывания. Встречаются и иные мнения, но они – исключение. Не случайно в ст. 87 УПК РСФСР, содержавшую неполный перечень протоколов следственных действий, являющихся источниками доказательств, протоколы допроса не были включены. С принятием нового

уголовно-процессуального законодательства после распада Союза ССР ситуация изменилась. Об этом свидетельствует анализ соответствующих норм УПК РФ и УПК государств ближнего зарубежья. Так, в ст. 134.2.11 Азербайджана прямо закреплено, что доказательствами являются протоколы допроса, очной ставки и проверки показаний на месте. Из перечня процессуальных источников доказательств в ч. 2 ст. 84 УПК Украины «Доказательства» исключены протоколы всех следственных действий. В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 99 УПК этого государства, они, «а также носители информации, на которых с помощью технических средств зафиксированы процессуальные действия», включены в состав документов как самостоятельных процессуальных источников доказательств. Последняя норма представляется принципиально важной, поскольку в ч. 2 ст. 104 УПК Украины закреплено следующее, уникальное для российского законодательства, правило: «Если с помощью технических средств фиксируется допрос, текст показаний может не вноситься в соответствующий протокол при условии, что ни один из участников процессуального действия не настаивает на этом». Из УПК Латвии (ст. 137), Молдовы (ст. 290) и Туркменистана (ст. 131) исключены перечни следственных действий, протоколы которых являются источниками (в иной терминологии – «видами») доказательств. Исключен этот перечень и из ст. 83 УПК РФ «Протоколы следственных действий и судебного заседания». Этот факт означает для нас одно – протоколы допроса, наряду с самими показаниями, признаны законодателями этих государств (включая РФ) самостоятельными источниками доказательственных сведений.

Однако такое положение вещей по-прежнему не устраивает ученых-процессуалистов. В литературе отмечается, что прежняя формулировка ст. 87 УПК РСФ была более обоснованной. А.П. Рыжаков пишет: «Замкнутый круг. Без показаний свидетеля протокол невозможен, а показаний не может быть без протокола допроса» [4]. Категорично по этому поводу высказался А.Р. Белкин, который пишет: «Что же все-таки является доказательством – сами показания или протокол, их фиксирующий? По Кодексу получается, что и то, и другое; но это же нелепость» [5].

В принципе данные проблемы специалистам хорошо известны, в своих непреклонных позициях они уже давно определились, круг литературных источников, в которых анализируется поднятая тема, весьма обширен, поэтому мы попытаемся высказать свою точку зрения, по возможности, лаконично и не забывая – фиксация показаний их признак по определению.

Аргументы противников признания источниками доказательств (в иной терминологии – «доказательствами») протоколов допроса представляются нам неубедительными. Они сводятся к двум уязвимым аргументам:

1. Особенностью всех следственных действий, которой не обладает лишь допрос, является то, что при их производстве следователь, сам непосредственно и чувственно («визуально-вербальным» образом) воспринимает значимые для дела обстоятельства.

На наш взгляд, эта констатация несостоятельна, поскольку она в полной мере применима и к допросу: слуховое и зрительное (визуально-вербальное) восприятие содержания устной речи допрашиваемого, ее особенностей, интонации, а также мимики, жестов, взгляда, выражения лица также осуществляется непосредственно следователем.

2. «Суд не может ограничиться оглашением протоколов допроса в ходе предварительного расследования в силу возможности неоднократного повторения показаний каждого обвиняемого, потерпевшего, свидетеля» [6].

(Эта фраза сконструирована предельно неудачно, но о ее сути догадаться можно: здесь наверняка имеется в виду то, что в судебном заседании заслушиваются сами показания, а не протоколы допросов).

О втором аргументе наших оппонентов хотелось бы сказать следующее. В ходе судебного разбирательства, одним из общих условий которого является непосредственность и устность, суд действительно непосредственно заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей. Причины ясны – первоначальный источник всегда информативнее и универсальнее производного. Но ведь в суде оглашается и заслушивается содержание и других письменных актов – многочисленных протоколов и документов, заключений экспертов, однако никто не решится утверждать, что они, в силу того же аргумента, теряют свое доказательственное значение.

Далее. Нормы ст. 217 УПК Казахстана, ст. 225 УПК Украины ст. 67 УПК Эстонии предусматривают депонирование показаний при производстве предварительного расследования, которые затем могут быть оглашены в суде. Согласно ст. 276 и 281 УПК РФ, в ходе судебного следствия допускается оглашение показаний подсудимого, потерпевшего и свидетеля, данных ими ранее при производстве предварительного расследования. Обратим внимание: в перечисленных нормах речь идет именно о показаниях как о письменных личных доказательствах. Но могут ли показания как доказательственные сведения содержаться вне источников доказательств? Конечно, нет.

Вывод (в нашем исследовании он был активно поддержан А.С. Александровым, В.П. Гмырко, Б.Г. Розовским, В.А. Светочевым, В.Т. Томиным) следующий: и показания, и протоколы допроса – являются источниками доказательств, с той лишь разницей, что показания – первоначальный источник, а протокол допроса, в котором они зафиксированы, – производный. Ничего парадоксального и нелепого в этом нет.

Библиография

1. В официальных названиях государств ближнего зарубежья (за исключением Грузии, Туркменистана и Украины) наличествует термин, указывающий на форму правления – «Республика». Однако в литературе широко применяются два способа сокращения их названия – с применением аббревиатуры или без слова «Республика». Мы воспользовались вторым вариантом сокращения.

2. Военное обозрение. 13 января 2013 г. Новости. Явка Анатолия Сердюкова в СК // URL: http://topwar.ru/22966-yavka-anatoliya-serdyukova-v-sk.html.

3. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2008. С. 534.

4. Рыжаков А.П. Протоколы следственных действий: понятие и требования к оформлению. М.: Дело и Сервис, 2011, С. 68.

5. Белкин А.Р. УПК РФ: нужны ли перемены?: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 239.

6. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практич. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. С. 324.